

**«Лингвистика, основанная на мышлении:
как языки преобразуют мысли в звуки».
Итоговая книга У. Чейфа**

© 2023

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; aakibrik@iling-ran.ru

Аннотация: Итоговая книга выдающегося американского лингвиста Уолласа Чейфа «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» представляет собой введение в основную лингвистическую проблематику в контексте соседних наук. В обзоре кратко изложены идеи, представленные в шести частях книги. Чейф излагает оригинальную теорию структуры мысли и поэтапного перехода от мысли через семантику и грамматику к звуковой форме. Помимо базовых проблем теории языка, Чейф затрагивает такие смежные вопросы, как процессы перевода, особенности художественной литературы, эмоциональные компоненты мысли и т. д. В обзоре указаны некоторые лингвистические понятия, недостаточно разработанные в книге Чейфа. В заключительной части обзора содержатся общие выводы относительно вклада Чейфа в лингвистику.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвистика в США, обзоры, теория языка, Чейф У.
Для цитирования: Кибрик А. А. «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки». Итоговая книга У. Чейфа. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 157–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168

***Thought-Based Linguistics:
How Languages Turn Thoughts into Sounds.
Wallace Chafe's concluding book***

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia; aakibrik@iling-ran.ru

Abstract: The concluding book by an eminent American linguist Wallace Chafe *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds* presents an introduction to the central agenda of linguistics in the context of neighboring sciences. The present survey briefly explains the ideas presented in the six parts of the book. Chafe offers an original theory of the structure of thought and its step-by-step conversion, via semantics and grammar, to sound. Apart from basic issues in linguistic theory, Chafe also addresses adjacent questions, such as translation processes, peculiarities of literature, emotional components of thought, etc. The survey mentions several linguistic notions that are insufficiently covered in Chafe's book. The final part of the survey offers general conclusions regarding Chafe's contribution to linguistics.

Keywords: Chafe W., cognitive linguistics, linguistic theory, linguistics in the USA, surveys

For citation: Kibrik A. A. *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds*. Wallace Chafe's concluding book. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 157–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.157-168

Есть категория «детских» вопросов о языке, которых лингвисты иногда стесняются, иногда избегают, или же говорят о них что-то общее и невнятное. Вот один из таких вопросов: мы думаем на языке или без языка? Чтобы сказать нечто свежее, убедительное и обоснованное по такому вопросу, нужно много смелости и мудрости. Этот вопрос — один из основных, обсуждаемых в книге Уолласа Чейфа «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки».

Наверное, многие сталкивались с ощущением, возникающим при чтении хорошей научной литературы: да, именно так все и обстоит, я и сам так думаю, но до сих пор не мог точно сформулировать. Это ощущение встречи с бесспорной истиной можно назвать откровением, и оно не раз посещало меня при чтении трудов Уолласа Чейфа начиная с его ранней книги «Значение и структура языка», изданной в 1970 г. [Chafe 1970] и переведенной на русский язык в 1975 [Чейф 1975]. Когда я был студентом МГУ в начале 1980-х гг., книга Чейфа широко использовалась в обучающих целях, была для нас почти учебником. В еще большей степени ощущение откровения присутствовало у меня при знакомстве с его более поздними работами, такими как «Дискурс, сознание и время» [Chafe 1994]. И не покидало меня и при чтении его итоговой книги, которая является предметом настоящего обзора.

Уоллас Чейф (03.09.1927–03.02.2019) прожил долгую жизнь в лингвистике начиная с изучения индейских языков во время учебы в Йельском университете в 1950-е гг. и до кончины в 2019 г. Уже будучи в весьма преклонном возрасте, он опубликовал три книги, посвященные трем основным темам его жизни: «Грамматика языка сенека» [Chafe 2015], «Язык каддо: грамматика, тексты и словарь» [Chafe 2018a] и «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» [Chafe 2018b]. Удивительным образом, две последние книги вышли менее чем за год до смерти автора. Получается, что Чейф хорошо спланировал завершающий этап своей жизни и, несмотря на тяжелую болезнь, успел завершить главные дела, которыми занимался в течение многих десятилетий. О некоторых дополнительных деталях биографии Чейфа см. [А. А. Кибрик, Федорова 2019].

Книга «Лингвистика, основанная на мышлении: как языки преобразуют мысли в звуки» [Chafe 2018b] состоит из шести частей, разделенных на 21 главу, а также включает пролог и эпилог. В прологе Чейф формулирует основной тезис о неразделимости языка и мысли (thought; это слово я, в зависимости от контекста, иногда перевожу как «мысль», иногда как «мышление») и указывает две причины того, что этот тезис редко учитывается в лингвистических моделях. Во-первых, структура мысли как бы считается уже учтенной в рамках семантики. Во-вторых, мысль недоступна обычному лингвистическому анализу. Как говорит автор, изучать мысль действительно трудно, но наука и не должна быть простой. Чейф так обозначает основные элементы оригинальности своего подхода: исключительная важность исследования мысли, не совпадающей с семантикой, использование интроспекции и сознания как способов наблюдения и отказ от центральной роли синтаксиса в структуре языка.

Часть I «Введение» включает две главы. В главе 1 «Исторический фон» Чейф помещает свою научную биографию в контекст науки XX в. По его впечатлениям, в 1950-х гг. лингвистика была небольшой и довольно однородной областью под доминантой структурализма. (Понятно, что такое описание корректно лишь в отношении американской лингвистики.) Позже возник генеративизм, который, согласно Чейфу, от структурализма принципиально не отличается. В 1960-е и 1970-е Чейф прокладывал свою дорогу в науке, например в 1973 г. начал вести курс «Язык и познание». Не имея взаимопонимания с лингвистическим мейнстримом, он пытался установить контакт с психологами, но обнаружил, что они, за редкими исключениями, не интересуются естественными явлениями, а лишь проводят «контролируемые» эксперименты.

Глава 2 «Базовые правила» формулирует основные принципы, используемые автором в книге. Он указывает на два основных источника человеческого понимания любого явления: наблюдения над данными и теоретические обобщения. Это верно и для обыденного, и для научного мышления. Чейф придает большое значение интроспективному наблюдению, вопреки бихевиористской традиции во всех ее вариантах. «В течение XX в. среди недопустимых приемов почетное первое место было присвоено интроспекции, которую эта книга бесстыдно восстанавливает в правах как важнейший ресурс» [Chafe 2018b: 14–15]¹. Также Чейф подчеркивает важность сознания — ключевого элемента его подхода начиная с 1970-х гг. Сознание — это «интроспективно опознаваемое ментальное состояние, чьи свойства могут помочь нам лучше понять множество явлений — как языковых, так и иных» [Ibid.: 16]. Чейф не отрицает важность неосознанного, но настаивает, что поток мысли является сознанием и доступен интроспективному наблюдению. Я знаю, что именно я сейчас думаю. Как мысль, так и сознание постоянно движутся и меняются. Сознание похоже на зрение — оба процесса имеют фокус и периферию. Завершающий пункт, освещаемый в главе, — важность языкового разнообразия. В книге Чейф опирается на данные не только английского языка, но также и полисинтетических индейских языков — ирокезских (в первую очередь сенека) и каддо. Каждый язык оригинальным образом организует и выражает мысль, но в современном мире ресурс языкового разнообразия стремительно тает.

Часть II «Мысли и их свойства» состоит из шести глав. В главе 3 «Первичность мыслей» Чейф говорит об известном уклоне лингвистики в письменную форму языка и о не менее очевидном уклоне в звук, в ущерб изучению мысли. Не только фонемы, но и такие языковые единицы, как морфемы, слова, предложения и т. д., редко рассматриваются с точки зрения того, как они помогают оформлять мысль. Конечно, значение изучается, но значения рассматриваются как атрибуты слов. Лингвистика нуждается в смене приоритетов.

Мы проводим свою жизнь в размышлениях. Этот процесс остается загадочным и малоизученным. Когда мы не только думаем, но и говорим, мы сопрягаем (pair) наши мысли с теми или иными звуками. Как все это происходит? Этим вопросам и посвящена глава 4 «Путь от мысли к звуку». Базовый тезис Чейфа: «Организация мыслей и их сопряжение со звуками — это и есть определение языка» [Chafe 2018b: 27]. Сопряжение мыслей может нарушаться, например в ситуации «слово вертится на кончике языка», и эта ситуация воспроизнимается как нарушение. Чейф предлагает общую U-образную схему языка, напоминающую его давние работы. В этой схеме мысль преобразуется в семантическую и далее в синтаксическую структуру, затем происходит символизация в абстрактное фонологическое представление, которое в свою очередь преобразуется в поверхностную фонологию и затем в звук. Семантическая структура нужна потому, что нужно свести бесконечное разнообразие мыслей к обозримому набору. Синтаксис во многом является результатом диахронического преобразования семантической структуры. Синтаксическое структурирование отчасти является результатом «семантических изменений, которые не сопровождаются параллельными изменениями в звуке, что ведет к отсутствию прямого сопряжения мыслей и звуков. Синтаксические структуры могут отклоняться от прямого соответствия мысли множеству способов» [Ibid.: 30]. Аналогично абстрактная и поверхностная фонология различаются в силу языковых изменений.

В главе 5 «Как устроены мысли» Чейф проводит дихотомию между содержанием (content) мысли и потенциально сопровождающим это содержание аффектом, включая эмоции. Содержание выражается в основном сегментным материалом, аффект — просодией. В рамках содержания Чейф различает идеи, или концепты, и способы ориентирования идей (об ориентировании см. ниже при изложении V части книги). Идеи бывают трех типов: события, состояния и сущности (= вещи, референты). Идеи ориентированы

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. К.

в пространстве, времени, эпистемологии, эмоциях, социальных взаимодействиях, контексте. Противопоставление событий / состояний, с одной стороны, и сущностей, с другой, лежит в основе универсального различия глаголов и существительных, которое иногда подвергалось сомнению (например, в вакашских и салишских языках), однако впоследствии все же подтвердилось. События / состояния постоянно сменяются в сознании, а сущности могут быть более устойчивыми. Сущности концептуально автономны, а события / состояния предполагают участвующие в них сущности. Чейф дает обзор основных систем, встречающихся в языках мира для выражения отношений сущностей к событиям / состояниям, то есть описывает системы ролевой кодировки (arrangements в терминологии автора) — аккузативную, эргативную, агентивно-пациентную. Все эти системы имеют конкретно-языковую семантическую основу, например в аккузативной системе субъект ассоциирован с функцией «исходный пункт», определяемой на основе категории данное / доступное / новое.

В главе 6 «Как ощущаются (are experienced) мысли» Чейф обсуждает базовый вопрос: а что такое «думать»? Для многих ответ на этот вопрос таков: мысль — это внутренняя речь. Однако есть люди, которые склонны и способны к мысли «без языка». Согласно исследованиям психолога Р. Дэй, есть индивидуальные различия между людьми с доминированием вербальной мысли и людьми, у которых вербальная мысль носит второстепенный характер. Чейф высказывает смелое предположение, что среди лингвистов преобладают люди первого типа, и возможно это влияет на доминирующие направления науки о языке. Известно, что некоторые мысли выразить оказывается трудно. В обычной речи присутствует много речевых сбоев и самоисправлений, указывающих, что удовлетворительная вербализация сразу не находится. По мнению Чейфа, существенная часть мыслей, которые мы испытываем, остается в сыром состоянии, недоступном для непосредственной репрезентации языком, но выражаемом жестами или просодией; это явление иногда именуется аноэтическим сознанием. Имеется ряд высших форм мысли, явно выходящих за пределы языка, в том числе образное мышление художников и музыкантов. Слабо изучена беззвучная речь «про себя», которая вероятно варьирует от отдельных идей событий / состояний и сущностей до вполне вербализованных структур. (Здесь меня несколько удивило, что Чейф не упоминает исследования Л. С. Выготского [Выготский 1934 / Vygotsky 1986].) В завершение главы Чейф пересказывает ряд старых психологических исследований, демонстрирующих, что мысли понимаются и помнятся значительно лучше, чем собственно языковые структуры.

У человека есть фундаментальная потребность делиться мыслями, и для ее реализации нужно внешнее средство. В главе 7 «Как передаются (are shared) мысли» обсуждается вопрос: почему для этой цели используется звук? Чейф предлагает два ответа — потому что звук обладает способностью быстро улетаиваться, в соответствии со скоростью течения мысли, и потому что преобразование в звук заставляет людей организовывать мысли в такой степени, которая не обязательна при приватном мышлении «про себя». Звук, таким образом, помогает и коммуникации, и оформлению мысли. (Чейф оговаривается, что есть и не звуковые языки — жестовые языки глухих.) В ходе развития цивилизации было также изобретено письмо, выступающее как альтернативный носитель мысли. Создание письменного сигнала намного медленнее, чем устная речь, и допускает варьирование темпа и постредактирование. В письменной речи присутствует скрытая просодия — пока что слабо понятый феномен. Особенно сложное явление — чтение вслух. При чтении вслух фокусируются больше на звуке, чем на мыслях, синтаксис и просодия не возникают естественным образом, часто звучат искусственно или неуместно. Поэтому чтение вслух трудно для восприятия слушателем, что бывает заметно на научных конференциях.

Глава 8 «Как мысли протекают во времени (flow through time)» начинается с цитаты из Уильяма Джеймса, знаменитого американского психолога конца XIX — начала XX в., который уже знал о сегментации потока сознания и соответствующей сегментации речи. (Надо отметить, что Чейф неоднократно цитирует Джеймса, от чьих идей психология

XX в. сильно отклонилась, и эти цитаты звучат очень современно; см. [James 1890].) Мысль движется толчками, шагами или импульсами, и при устной речи это отражается и в синтаксисе, и в просодии. К просодии Чейф относит четыре основных компонента: тон, громкость, тайминг и качество голоса. Просодия может выражать эмоции, но также она служит оформлению шагов мысли. Падающий тон выражает завершение мысли или цепочки мыслей, в отличие от восходящего тона, указывающего на ожидаемое продолжение. Устная речь организована в виде цепочки интонационных единиц (ИЕ) длительностью 1-2 секунды (за вычетом пауз). ИЕ имеют когерентный тональный контур, между ними типично располагаются пограничные паузы, в начале ИЕ наблюдается ресет тонального уровня и ускорение, а к концу замедление и затихание, иногда со скрипучим голосом. Есть искушение считать, что каждая ИЕ — следствие выдоха, а затем следует пауза для вдоха. Однако ИЕ настолько быстрые, что связывать их с необходимостью дышать, по мнению Чейфа, неверно. Чейф анализирует ряд примеров, в которых ИЕ обозначают разновидности событий (действия и изменения состояний), состояния, а также части мыслей. Относительно сложная мысль, определяемая Чейфом как «центр интереса», реализуется в виде цепочки ИЕ, каждая из которых выражает минимальную мысль; эта цепочка характеризуется как «просодическое предложение». Чейф также рассматривает более объемное понятие дискурсивного топика, организуемого в виде иерархической структуры. Эта многоуровневая модель реализуется не только в речи, но и в музыке — как классической европейской, так и у индейцев сенека: фразы являются аналогами ИЕ, строки — аналогами предложений, фрагменты произведений — аналогами топиков и субтопиков.

Часть III «Иллюстрируем вербализацию» содержит две главы. Глава 9 «От мысли к звуку в английском языке» представляет собой мастерскую демонстрацию того, как все в языке взаимодействует и как работает предлагаемый Чейфом подход. Глава основана на анализе одного устного предложения *Yeah we're gonna go hang out there* 'Да мы собираемся пойти там потусоваться', сказанного студенткой Джейн по телефону ее приятелю Фреду — от формирования исходной мысли до результирующей звуковой формы. Структура мысли включает идеи события, локации и участников, которые были активированы в уме Джейн при произнесении указанной фразы. Новой информацией является лишь идея события, остальное — данное, поэтому вербализуется очень кратко (*we, there*). Категория данного основана на моделировании мыслей собеседника, и степень такого моделирования варьирует от максимальной эмпатии до максимального солипсизма. Чейф подробно описывает переход от идеи события к семантической репрезентации события, включая такие этапы, как отбор (что именно говорящий решает включить в семантическую структуру), категоризация (отнесение конкретного экземпляра идеи к категории — в данном случае *hang out*), ориентирование (новизна идеи для адресата, будущее время, андатив) и комбинирование (соединение идей события, локации и участников в единую структуру). Далее семантическая структура преобразуется в синтаксическую. Согласно Чейфу, синтаксис как промежуточный уровень между семантическим и фонологическим представлениями возникает из-за диахронических изменений языка, включая идиоматизацию и грамматикализацию. В синтаксисе есть семантически релевантные элементы, а есть такие, чья связь с мыслью искажена и чье объяснение может быть найдено лишь в истории, как например в случае выражения *hang out*. Синтаксическое представление преобразуется через процесс символизации в абстрактную фонологию, последняя в эксплицитную (*overt*) фонологию и далее в звук. Просодия и жесты, в отличие от сегментной фонологии, символизируют семантику напрямую — без посредства синтаксиса и абстрактной фонологии. В целом по этой главе можно судить обо всей интегральной модели языка, предлагаемой Чейфом.

В главе 10 «От мысли к звуку в полисинтетическом языке» Чейф анализирует данные ирокезского языка сенека, типологически максимально далекого от английского. Снова рассматривается одно высказывание, весьма похожее на то, которое было исследовано в главе 9: *Hëyagujǎ́š:enǎ́* 'Мы ходим туда в гости'. Как это характерно для

полисинтетических языков, данное предложение представляет собой одну глагольную словоформу. Здесь непосредственно воплощается принцип, согласно которому идеи событий включают идеи сущностей. В языке этого типа большую роль играет морфология, и в схемах Чейфа вместо синтаксиса здесь фигурирует морфосинтаксис. Основа глагола выбирается на основе процесса категоризации события, морфологические элементы возникают как требуемые языком типы ориентирования события, такие как андатив и удаленность. Преобразование абстрактной фонологии в поверхностную может быть понято благодаря внешней и внутренней реконструкции, а также словарям сенека, составленным еще в начале XVIII в. По мнению Чейфа, носители не генерируют сложные словоизменяемые формы глаголов на основе сложных правил, а помнят многие словоформы либо опираются на аналогические паттерны *ad hoc*.

Часть IV «Смежные вопросы» состоит из четырех глав, посвященных различным аспектам репрезентации мысли. В главе 11 «Парадокс перевода» обсуждается очевидная, но трудная проблема: если языки организуют мысль по-разному, как возможен перевод? Согласно Чейфу, перевод возможен до определенной степени. Проблема перевода — в различиях между семантическими структурами языков. В качестве примера Чейф рассматривает перевод фрагмента дискурса с сенека на английский и показывает возникающие трудности. В частности, семантические элементы, содержащиеся в значениях глагольных основ сенека, могут отсутствовать в значениях наиболее подходящих английских глаголов. В сенека нет категории времени, но в английском переводе грамматики времени приходится добавлять. «Проблемы возникают от несовместимых способов категоризации идей, от различных теневого значений (...) и от способов ориентирования идей, не имеющих прямых эквивалентов» [Chafe 2018b: 97]. В заключительной части главы Чейф обсуждает фактор забывания: по прошествии времени можно не помнить, на каком языке ты услышал или выразил мысль. Вначале помнятся детали вербализации, затем часть категоризаций и ориентировок стираются, в итоге может остаться лишь общее эмоциональное впечатление.

В главе 12 «Повторная вербализация одной и той же мысли» обсуждается вопрос о том, в какой степени различается выражение мысли субъектом в разные моменты его жизни. Мысли относительно независимы от того, как они выражаются, и простор для выбора способов вербализации велик. Эта тема рассматривается Чейфом на примерах повторных рассказов на английском языке и на индейском языке каддо. Так, английская рассказчица по имени Памела, говоря об инциденте рядом с ее домом, употребила выражение «Я заметила парня, который прошел мимо», а спустя 15 месяцев, пересказывая тот же эпизод, сказала «Я заметила, что кто-то прошел за моим задним окном». В разных случаях говорящий использует разные семантические структуры, тем самым выделяя различные аспекты мысли.

Глава 13 «Переосмысливая Уорфа» посвящена известному вопросу о том, в какой степени языки навязывают своим носителям разное восприятие реальности. Этот вопрос имеет большую историю, до Сепира и Уорфа об этом писали Гердер, Гумбольдт, Штейнталь. По мнению Чейфа, часто встречающаяся резкая критика Уорфа основана на непонимании: на мысль влияет не синтаксис, а семантическая структура. Языки дают своим носителям разные семантические ресурсы, и вопрос в том, в какой мере это влияет на структуру мысли. Случаи влияния явно есть. Например, в сенека отец, его братья и кузены — это единая категория. Однако эта категория возникла не сама по себе, а в результате осмысления внешнего опыта. (По какой-то причине Чейф здесь избегает слова «культура».) Таким образом, имеют место два этапа. «На первом этапе как мысль, так и семантическая структура формируются внешним окружением, но когда категория стала частью языка, она уже в обратную сторону влияет на то, как люди думают и действуют. Первый этап независим от того, что предлагал Уорф, а второй этап подтверждает его предложения» [Chafe 2018b: 108]. Значимые различия между языками могут касаться как категорий, так и ориентирования идей, например при использовании дискурсивной частицы в сенека, которая

означает неполную уверенность говорящего в излагаемом описании событий и с трудом переводима на английский.

Глава 14 «Уроки литературы». Когда человек бодрствует, он постоянно думает. Известен феномен блуждания мыслей, лежащий в основе творчества, включая фольклор и «устную литературу». После возникновения письменной литературы авторы получили большую свободу в обдумывании и исследовании мыслей персонажей. Есть два основных способа представления мыслей: мимесис (изнутри сознания персонажа) и диегесис (с внешней позиции). Мимесис иллюстрируется примерами из рассказа Дж. Джойса и романа Э. Уортона, а диегесис — примерами из романа Дж. Элиот. В рамках каждого из этих двух способов мысль может представляться как аноэтическая (на грани сознания), невербализованная или полностью вербализованная.

В состав части V «Распространенные способы ориентирования мыслей» входят четыре главы. В главе 15 «Малые числа и субитизация» рассматривается проблема оценки количества по данным разных наук. Языки значительно различаются с точки зрения обязательности выражения числа: отсутствие категории числа, единственное vs. множественное, единственное vs. двойственное vs. множественное, есть системы с тройственным и паукальным числом. Судя по языковым данным, малые числа (до трех или четырех) обрабатываются быстро и уверенно, а большие числа требуют более сложной последовательной обработки или примерной оценки. В психологии изучен феномен субитизации — мгновенной точной холистической оценки до трех или четырех; при больших количествах нужно привлечение специальных ресурсов внимания с подвижным фокусом. Это согласуется с лингвистическими знаниями о движении сознания от одного фокуса к другому. При субитизации один фокус сознания обрабатывает всю группу целиком. По-видимому, в мыслительной структуре есть категории штуки, двойки и тройки, однако эти категории не обязательно выражаются в любом языке. Данные из разных наук дополняют друг друга и позволяют построить общие представления о мыслительных процессах.

Глава 16 «Мысль и род» посвящена вопросу о том, как языки трактуют различие по полу. Так, в системе глагольных аффиксов сенека, где имеется мужской, женский и средний роды, женский род нейтрализуется со средним в двойственном и множественном числе, а также может заменяться на средний в единственном числе, если имеется в виду нетипичная женщина, в том числе большая или агрессивная. Мужская категория значительно более заметна в системе глагольных аффиксов. Как эти морфологические факты связаны с представлением о поле в ирокезском обществе? О традиционной ирокезской культуре больше всего известно в отношении племени гуронов, впоследствии исчезнувшем. У гуронов четко различались гендерные функции, и мужчины в этой системе были значительно более выделены и заметны. (Хотя, разумеется, социальные функции женщин также были крайне важны.) Согласно выводам Чейфа, культурный паттерн мотивирует языковой паттерн, но не детерминирует его.

Глава 17 «Время, грамматическое время, память и воображение». Время недоступно в ощущениях — это не сущность и не событие. Мы лишь выводим существование времени из нашего опыта, часто метафорически осмысляем его через пространство. Некоторые языки выражают время (time) при помощи грамматического времени (tense). Более сложные смыслы, связанные с временем (такие, как прогрессив или перфект), называют аспектами. Прошлое мы понимаем при помощи памяти, будущее — при помощи воображения. Есть языки с метрическим временем, по-разному трактующие разную удаленность от настоящего в прошлом и в будущем. В основе этого явления лежит тот факт, что мы по-разному ощущаем воспоминания о произошедшем только что, или вчера, или в прошлом году; аналогично с предвосхищением будущего. Люди испытывают не время как таковое, а разные воспоминания и ожидания, с качественными различиями. Настоящее — это не точка, а небольшой интервал, соизмеримый с длительностью фокуса сознания и, соответственно, интонационной единицы (1-2 секунды). Мысли, имеющиеся в настоящем,

базируются на актуальном восприятии среды, а также на многообразных перемещенных (displaced) источниках, включая собственный опыт, собственные ожидания, полученные от других знания и воображение. Это различие подтверждается сведениями из нейронаук о разных режимах работы мозга — для актуальной и перемещенной мысли. Чейф пересказывает свое исследование 1973 г. о порядке и просодии временных наречий, в котором он различал поверхностную, мелкую и глубокую память, и аналогично три уровня ожиданий. В частности, там было отмечено, что самые недавние события не маркируются временными наречиями. Чейф с юмором цитирует работу Э. Даля 1984 г., в которой автор уже тогда отмечал, что пора было бы психологам, всерьез исследующим память, обратить внимание на идеи Чейфа и проверить их своими методами. Чейф также анализирует немногочисленные работы по психологии памяти, которые он считает интересными, но при этом констатирует, что разрыв между лингвистикой и центральными течениями современной психологии памяти огромен, поскольку психология памяти в основном сконцентрировалась на искусственных данных, весьма косвенно связанных с сутью этой человеческой способности.

Глава 18 «Как идеи связываются с реальностью» посвящена эпистемологии, включая эвиденциальность и уверенность («certainty», термин Боаса). В североамериканском языке винту (описанном в работе Д. Д. Ли 1938 г.) фразу типа *Гарри рубит дрова* можно передать пятью способами, в зависимости от того, откуда о данном факте известно говорящему: от другого человека; из зрительного наблюдения; по слуху или другим косвенным данным; на основе логического вывода (Гарри нет дома); по более общим знаниям (Гарри всегда рубит дрова в это время дня). Все эти разные смыслы передаются в рамках глагольной морфологии. Во многих языках изобилуют маркеры эвиденциальности, и это явление хорошо изучено. Что касается уверенности, то в сенска представлена трехчастная шкала: фактическое, предиктивное и гипотетическое, а в каддо — различие между реалисом и ирреалисом; ирреалис включает такие контексты, как вопрос, отрицание, прохибитив, деонтическое должествование, условие, уподобление, редкость и миратив.

Часть VI «Эмоциональный компонент мысли» содержит три главы. Глава 19 «Эмоциональная вовлеченность в разговоре» в основном посвящена просодии. Согласно Чейфу, функции просодии сводятся к оформлению единиц (слов, фраз и т. д.) и отношений (например, ожидание продолжения, выражаемое восходящим тоном), а также оценке элементов мысли с точки зрения выделенности (новое, контраст, эмфаза) и с точки зрения эмоций. Из этих четырех функций первые три являются постоянными и обязательными, а четвертая может не выражаться в случае эмоциональной отстраненности. Когда эмоции выражаются, это делается за счет таких компонентов просодии, как тон, громкость, тайминг и качество голоса. Рассматриваются такие явления, как восходяще-нисходящий контур, пик интенсивности, пословная акцентуация и др. В отличие от мыслей, которые обычно чередуются каждые 1-2 секунды, эмоции имеют более длительный характер и могут распространяться на целую цепочку мыслей.

В главе 20 «Чувство несерьезности» вкратце излагается основное содержание книги [Chafe 2007]. Чувство несерьезности похоже на другие эмоции: длится дольше, чем обычные мысли, легко передается от человека к человеку, трудно объясняется вербальными средствами. На этом чувстве основано явление юмора. Юмор подразумевает сочетание двух компонентов: абсурдности и псевдоправдоподобия. Чувство несерьезности связано со смехом, то есть спазматическим усиленным выдыханием воздуха через гортань. Смех формально различается по скорости, ускорению, звонкости, использованию носовой полости, может чередоваться или сочетаться с речью. Ослабленные формы смеха — усмешка и улыбка. Смех необязательно связан с чувством несерьезности, а чувство несерьезности может и не выражаться смехом. Чувство несерьезности смягчает неприятные переживания и помогает жить, оно часто используется в несмешных ситуациях, связанных с утратой, сожалением, смущением и т. д. Это чувство приятно и заставляет людей к нему стремиться.

Глава 21 «Как язык может быть красивым» начинается с цитаты из Р. Якобсона [Jakobson 1990], считавшего, что поэтика — часть лингвистики; Чейф поясняет, что под поэтикой в данном случае понимается исследование эстетической функции языка в целом. По мнению Чейфа, лингвистика уделяла мало внимания литературе; в этом месте проявляется американская перспектива Чейфа — подобное трудно было бы сказать, находясь внутри европейской или тем более российской традиции. Вопросы, которые рассматриваются в главе, таковы: что такое красота, как она создается, и как это делается при помощи языка? Согласно Чейфу, красота — это свойство, вызывающее явный эмоциональный ответ, который может различаться с точки зрения интенсивности, индивидуальных и культурных предпочтений. Красота связана с трансцендентностью, т. е. уходом от обычных впечатлений. Также важны отвлечение от лишних деталей и некая апелляция к воображению. Это можно показать, обращаясь как к красоте природы, так и, например, к красоте поэзии; в качестве поэтических иллюстраций Чейф использует стихи Р. Фроста и Э. Дикинсон. Поэзия организована в соответствии с паттернами размера и рифмы, что сводит хаос обычной просодии к регулярному и экономному — признакам трансцендентности. Что же касается мысленной стороны поэзии, то она связана с приглашением посетить сознание поэта, включающее необычные образы. В прозе мысленная сторона играет основную роль. На примере прозы Джойса Чейф показывает примеры трансцендентного ухода от обыденности.

В кратком эпилоге Чейф скромно характеризует себя как специалиста по индейским языкам, также интересовавшегося работой ума. В ходе своей биографии он оказался в противоречии с доминантными тенденциями лингвистики — структурализмом, затем еще более узким генеративизмом, а также и когнитивным подходом, которому тоже не хватало глубины и широты. «Данная работа направлена на важность признания *мысли* как фундаментальной части в строении языка» [Chafe 2018b: 185]. Чейф отмечает несколько направлений, которые особенно нуждаются в дальнейшем развитии, в том числе: различие между людьми с доминированием и без доминирования вербальной мысли; проблему аноэтического мышления; иерархическую структуру языка и музыки; роль просодии в выражении эмоций; устройство мозга; взаимодействие лингвистики со смежными науками.

У меня есть лишь несколько комментариев о том, чего мне не хватило в итоговой книге Чейфа. Первый из них, как ни странно, касается просодии. Хотя Чейф является одним из наиболее значимых ученых, привлечших внимание современной лингвистики к просодии, его видение просодии несколько сужено, и в нем отсутствуют такие компоненты, как использование многочисленных резонаторов, движения гортани, регистры, тембры, напряженности. (Чейф даже пишет, что просодия в основном реализуется в гортани и в легких [Chafe 2018b: 57].) Всё это отражено в пионерских исследованиях С. В. Кодзасова, резюмированных в книге [Кодзасов 2009], и в этом месте можно лишь в очередной раз пожалеть о языковом барьере, сильно влияющем на развитие науки.

Во-вторых, я был несколько удивлен, что в книге Чейфа ни разу не встретилось слово «прагматика», хотя спектр явлений, изучающихся в рамках этой комплексной дисциплины, сильно пересекается с вопросами, интересующими Чейфа. В целом ряде мест Чейф прямо касается прагматической проблематики, например когда он обсуждает различие между эксплицитным (*overt*) и имплицитным (*tacit*) знанием на с. 87, ссылаясь лишь на книгу химика и философа М. Поланы [Polanyi 2009]. При описании операции отбора в главе 9 было бы естественно упомянуть максимы Грайса и теорию речевых актов. Это не только вопрос наличия или отсутствия ссылки на те или иные идеи, это содержательный вопрос. Например, при произнесении предложения, рассматриваемого в главе 9, мысль (коммуникативный мотив) Джейн могла состоять в том, чтобы задеть Фреда, или наоборот его успокоить, и нам нужно понимать в том числе переход от этого глубинного мотива к той формулировке мысли, которую предлагает Чейф.

В-третьих, при обсуждении диахронических изменений языка, обуславливающих различие между абстрактной и эксплицитной фонологией в главах 9 и 10, Чейф никак не касается причин языковой эволюции и мотивированности конкретных языковых изменений; см., например, [Labov 1994; 2001; 2010].

В-четвертых, с концепцией Чейфа хорошо бы сочеталась идея точек роста (growth point) Макнила [McNeill 1992], то есть еще не оформленных мыслей, которые могут преобразовываться как в вербальные структуры, так и в жесты. При этом надо отметить, что Чейф, хотя и пишет о вокальной стороне языка, фоново учитывает и сопровождающую речь жестикуляцию, и жестовые языки, и в ряде мест кратко оговаривает соответствующее развитие его подхода.

В целом Чейфу удалось на 186 страницах основного текста книги отразить в виде удивительно когерентной картины всю основную проблематику лингвистики, пограничные с соседними дисциплинами проблемы и перспективы дальнейших исследований. Статьи и книги под рубриками «язык и сознание» или «язык и мышление» часто воспринимаются лингвистами с недоверием, и отчасти это обоснованно, ибо под этими ярлыками то и дело фигурируют лишь общие и недостаточно проработанные рассуждения. В отличие от подобных рассуждений, работа Чейфа предельно конкретна и основана на предметном знании огромного и разнообразного материала. В книге обсуждаются и во многом решаются самые фундаментальные вопросы лингвистики. Надо сказать, что в настоящее время нет избытка площадок для подобного глубокого эмпирически обоснованного обсуждения, чаще рассматриваются либо мелкие детали, либо малоправдоподобные и преходящие абстрактные теории. Любопытный лингвист, читая книгу Чейфа, может найти в ней ростки новых направлений, которые являются магистральными для будущей науки и ждут серьезной разработки.

Несомненно, в итоговой книге Чейфа многое идет из его предыдущих работ, включая раннюю книгу [Chafe 1970], знаменитые «Рассказы о грушах» [Chafe (ed.) 1980] и особенно фундаментальную книгу [Chafe 1994] (см. рецензию [А. А. Кибрик 1994]). Исключительно полезно, что Чейф повторил важные тезисы из книги 1994 г. Благодаря этому стало понятным, что по сравнению с той книгой осталось неизменным знание, а что подверглось более позднему уточнению.

Следует отметить, что в американской лингвистике Чейф был едва ли не первым ученым, кто начал предметно развивать идею связи языка и мысли, ср. его статьи [Chafe 1973; 1974]. Это произошло значительно раньше, нежели направление, позже получившее название «когнитивная лингвистика», оформилось и стало заметным. Также бросается в глаза редкая интеллектуальная независимость Чейфа, которую он проявлял на протяжении всей своей научной карьеры. У него не так много прямых продолжателей, и он явно не стремился к самопродвижению, к созданию своей школы или парадигмы. В истории лингвистики он остается одиноко стоящей горой, которую видно со всех сторон.

Чейф оказал большое влияние на российскую лингвистику, причем еще в советское время, несмотря ни на какие железные занавесы. Как было отмечено выше, это случилось уже в связи с публикацией [Чейф 1975]. Очень знаменитой стала и статья [Chafe 1976 / Чейф 1982], во многом предвосхитившая идеи книги [Chafe 1994]. В 1980-е гг. отечественные лингвисты уже знали о «Рассказах о грушах», а в последние годы была проведена целая серия исследований, в которых «Фильм о грушах» был использован в качестве стимульного материала. Следует отметить также публикацию [Чейф 2015], которая в сжатом виде анонсировала обсуждаемую здесь книгу. Наконец, стоит упомянуть переключку идей с отечественными лингвистами на раннем этапе когнитивно ориентированных исследований языка. Так, статья [Звегинцев 1996] (написана в начале 1980-х гг.) во многом состоит из обсуждения идей Чейфа. В статье [А. Е. Кибрик 1983] был предложен постулат

о необходимости моделей языка типа «Мысль — сообщение». Конечно, интеллектуальные контакты отечественных ученых с идеями Чейфа продолжались и в более позднее время.

Читать итоговую книгу Чейфа очень приятно. Среди крупных лингвистов не так много мастеров стиля, и Чейф явно относится к их числу. Ему всегда удается найти оптимальный баланс между краткостью и достаточностью, между дедукцией и индукцией, между строгостью и выразительностью. Интересно, что средняя длина главы в книге — около 8–9 страниц, и на этом пространстве Чейфу во всех случаях удалось сказать главное по обсуждаемой теме.

Книга Чейфа имеет долгосрочную ценность. Работы такого уровня значимости появляются крайне редко. Поэтому автор данного обзора надеется, что существенная задержка в его публикации не является критически важной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Выготский 1934 — Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. [Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and language]. Moscow; Leningrad: Sotsekiz, 1934.]
- Звегинцев 1996 — Звегинцев В. А. Язык и знание. *Мысли о лингвистике*. Звегинцев В. А. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996, 190–207. [Zvegintsev V. A. Language and knowledge. *Mysli o lingvistike*. Zvegintsev V. A. Moscow: Moscow Univ. Press, 1996, 190–207.]
- А. Е. Кибрик 1983 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*, 1983, 621 (*Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту*): 24–39. [Kibrik A. E. Linguistic postulates. *Acta et commentationes Universitatis Tartuensis*, 1983, 621: 24–39.]
- А. А. Кибрик 1994 — Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. *Вопросы языкознания*, 1994, 5: 126–139. [Kibrik A. A. Cognitive studies of discourse. *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, 5: 126–139.]
- А. А. Кибрик, Федорова 2019 — Кибрик А. А., Федорова О. В. Памяти Уолласа Чейфа (03.09.1927–03.02.2019). *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 2019, 5: 211–216. [Kibrik A. A., Fedorova O. V. In memoriam: Wallace Chafe (Sept 3, 1927 — Feb 3, 2019). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2019, 5: 211–216.]
- Кодзасов 2009 — Кодзасов С. В. *Исследования в области русской просодии*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kodzason S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Чейф 1975 — Чейф У. *Значение и структура языка*. М.: Прогресс, 1975. Пер. с англ. [Chafe W. *Meaning and the structure of language*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970. Transl. into Russian.]
- Чейф 1982 — Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982, 277–316. Пер. с англ. [Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 25–55. Transl. into Russian.]
- Чейф 2015 — Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении. *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2015, 60–88. Пер. с англ. [Chafe W. Toward a thought-based linguistics. *Functional approaches to language*. Bischoff S. T., Jany C. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 107–130. Transl. into Russian.]
- Chafe 1970 — Chafe W. *Meaning and the structure of language*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.
- Chafe 1973 — Chafe W. Language and memory. *Language*, 1973, 49: 261–281.
- Chafe 1974 — Chafe W. Language and consciousness. *Language*, 1974, 50: 111–133.
- Chafe 1976 — Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 25–55.
- Chafe (ed.) 1980 — Chafe W. (ed.). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex, 1980.
- Chafe 1994 — Chafe W. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.

- Chafe 2007 — Chafe W. *The importance of not being earnest: The feeling behind laughter and humor*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Chafe 2015 — Chafe W. *A grammar of the Seneca language*. Oakland (CA): Univ. of California Press, 2015.
- Chafe 2018a — Chafe W. *The Caddo language: A grammar, texts, and dictionary based on materials collected by the author in Oklahoma between 1960 and 1970*. Petosky (MI): Mundart Press, 2018.
- Chafe 2018b — Chafe W. *Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Jakobson 1990 — Jakobson R. *On language*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1990.
- James 1890 — James W. *The principles of psychology*. Vol. 1. New York: Henry Holt, 1890.
- Labov 1994 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. I: *Internal factors*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Labov 2001 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. II: *Social factors*. Malden (MA): Blackwell, 2001.
- Labov 2010 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. III: *Cognitive and cultural factors*. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2010.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Polanyi 2009 — Polanyi M. *The tacit dimension*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2009.
- Vygotsky 1986 — Vygotsky L. S. *Thought and language*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1986. Transl. from Russian.

Получено / received 06.05.2023

Принято / accepted 16.05.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 17.08.2023 Дата выхода в свет 31.08.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/4а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1